

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Alexander SANDLER “I was raised by the best teachers”

Interview with Alexander Sandler, Professor of the Department of Special Piano of the St. Petersburg Conservatory and Honored Artist of the Russian Federation. A graduate of the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory (1978), A. Sandler recalls his years of study, the events of school life and his teachers, among whom Marina Wolf took a special place.
Keywords: A. M. Sandler, L. I. Zelimkhan, M. V. Volf, V. V. Nilsen, Secondary Special Music School of the Leningrad (Saint Petersburg) Conservatory.

Александр САНДЛЕР «Меня воспитывали лучшие учителя»

Интервью с профессором кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории, Заслуженным артистом Российской Федерации Александром Михайловичем Сандлером. Выпускник консерваторской школы-десятилетки 1978 года, А. М. Сандлер вспоминает о годах учебы, о событиях школьной жизни и о своих учителях, среди которых особое место заняла Марина Вениаминовна Вольф.
Ключевые слова: А. М. Сандлер, Л. И. Зелимхан, М. В. Вольф, В. В. Нильсен, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории.

Александр Михайлович Сандлер — Заслуженный артист Российской Федерации, один из ведущих профессоров кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. За годы работы он подготовил целую плеяду известных концертирующих пианистов. Достаточно назвать таких исполнителей, как лауреаты международных конкурсов Петр Лаул, Александр Пироженок, Павел Райкерус, Антон Ляховский, Станислав Соловьев. Отдельно нужно выделить воспитанников А. М. Сандлера, получивших звание лауреата Международного конкурса имени П. И. Чайковского, — Мирослава Култышева (2007, II премия) и Сергея Редькина (2015, III премия).

А. М. Сандлер окончил «десятилетку» Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории в 1978 году. Спустя много лет он делится с читателями журнала “Musicus” своими воспоминаниями о школьных годах.

Дмитрий Брагинский. Александр Михайлович, расскажите, пожалуйста, вы учились в школе-десятилетке с первого класса?

Александр Сандлер. Нет, в десятилетку я попал только в третий класс, причем поступил не с первого раза. Игре на фортепиано я начинал учиться в детской музыкальной школе имени А. К. Глазунова, в Невском районе. Мы там жили в то время, и первые два года моего обучения прошли именно в школе на улице Седова.

Впервые я пытался поступить в «десятилетку» во второй класс, но безуспешно: меня «забраковали». В конечном счете, это обернулось удачей: когда меня не приняли, моя мама взялась за дело и нашла выход на одного из лучших преподавателей «десятилетки», да и на одного из лучших преподавателей того времени — Лию Ильиничну Зелихман. Так мне повезло, и целый год я занимался с Лией Ильиничной.

Лия Ильинична Зелихман в то время была, наверное, самым знаменитым педагогом, ее имя знал город, да и вся страна, пожалуй. За два года до того, как я начал с ней заниматься, в 1966 году ее ученик Гриша Соколов потряс весь музыкальный мир, победив на Международном конкурсе имени Чайковского. Тогда Гриша был еще учеником «десятилетки», куда пытался поступить и я.

Я занимался с Зелихман целый год. Так что в какой-то небольшой степени могу называться «однокашником» Григория Соколова и Павла Гилилова.

Д. Б. Вы занимались с Лией Ильиничной в ее классе в школе?

А. С. Нет, я занимался частным образом, и каждую неделю дважды мы с мамой приезжали к ней домой. Со своим мужем, знаменитым профессором консерватории Моисеем Яковлевичем Хальфиным, дочкой,

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩЕГОСЯ:

Очень хорошие данные - слух, наследит,
руки Зеликсы, серьезный взгляд
Руки несколько вялые, слабее, но
ловкие. Занимается с интересом.

ХАРАКТЕРИСТИКА И УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Сандлер Александр учится по общеобразовательным предметам
на "хорошо" и "хорошо". Обладает хорошими
общими способностями, развит, начитан. Хороший
художественный вкус, интересуется живописью.
Форман в классе политинформации.
Пунктуальное поведение.

10/11-76

зятем и внучкой Лия Ильинична жила в доме на углу Невского проспекта и улицы Желябова (ныне Большая Конюшенная), рядом с Петеркирхе. Это были знаменитые, заслуженные, авторитетные люди, однако даже они жили в большой коммунальной квартире. У них было несколько комнат, но все равно, это была «коммуналка» с соседями, такое было время. Сейчас там все расселено, там теперь какие-то офисы, адвокатские конторы.

Когда я пришел к Лии Ильиничне в первый раз, она оценила меня так: «Хорошие руки. Хороший слух. Но играть не умеет». После чего Моисей Яковлевич вышел из дальней комнаты и сказал: «Как мальчик хорошо играл». Я мало что помню о том, как проходили уроки. Запомнилось, что очень много играли этюдов, буквально на каждый урок я приносил новые этюды. Когда порой ошибался и промахивался мимо нот, она чувствительно била меня по рукам, называла — «Пачкун!», я начинал плакать, а мама тихо переживала в уголке. Надо сказать, что педагоги старшего поколения не особенно сдерживали себя. Легенды ходили об Эсфири Израилевне Штейнбок, что она поколачивает учеников своей палкой; смычком бил по пальцам своих учеников Эммануил Григорьевич Фишман. Заметим, что это не отражалось на взаимном обожании педагога и ученика.

Хочу сказать о маме. Мама очень опекала меня и занималась со мной. Ее юность прошла в военные годы, поэтому она не получила консерваторского образования, всю жизнь проработала музыкальным воспитателем в детском саду. Она чувствовала музыку, хорошо подбирала по слуху, так что мои музыкальные способности в нее. Я уже с детства проявлял склонность к музыке, умолял, чтобы мне ставили пластинки, слушал разные

произведения. Мне родители очень помогали, это было не так просто — заниматься с Л. И. Зелихман. Уроки были дорогие, каждый стоил пять рублей — по тем временам большие деньги.

Лия Ильинична была большая модница. Как впоследствии рассказывала мама М. В. Вольф Клавдия Яковлевна, всегда, когда она заходила в универмаг «Де Эль Те» (именно так старомодно она называла ДЛТ — Дом ленинградской торговли), она встречала там Лию Ильиничну. Я помню один случай, когда Лия Ильинична очень хотела купить кримпленовый костюм, а моя мама вдруг увидела такой костюм в продаже в Невском универмаге. Померить его было Лие Ильиничне невозможно, так как ситуация была горячая, и костюм нужно было или брать, или отдавать. Мама позвонила Лие Ильиничне и та коротко скомандовала: «Рискуем. Берем». Костюм, правда, по-моему, не подошел...

Весной 1969 года я во второй раз прошел прослушивание в «десятилетку». После года занятий с Л. И. Зелихман сыграл удачно и меня приняли в школу. Однако Лия Ильинична к себе в класс меня не взяла, а отдала Марине Вениаминовне Вольф. У Марины Вениаминовны уже в те годы была очень высокая репутация, ее имя было широко известно. Из ее класса тогда уже вышел Павел Егоров, и блистательно проявлял себя Станислав Иголинский, ставший потом лауреатом Международного конкурса имени П. И. Чайковского и Международного конкурса имени королевы Елизаветы. В то время у Марины Вениаминовны учились, например, Гриша Грузман, ныне декан фортепианного факультета консерватории имени Ференца Листа в Веймаре, и Саша Витлин, ныне профессор консерватории имени Ганса Эйслера в Берлине.

А. Сандлер (справа) в школьном классе

Класс М. В. Вольф. А. Сандлер крайний справа во втором ряду

Д. Б. *Какие у вас были первые впечатления после учебы в новой школе, в «десятилетке»? Почувствовали разницу с прежней школой?*

А. С. Мама вспоминала, что после первых дней учебы в новой школе я сказал ей: «Представляешь, какое счастье — тут у всех абсолютный слух!»

У меня осталось такое ощущение, что контингент школы обновлялся очень резко, все время была какая-то «движуха», все время кто-то вылетал, кто-то к нам присоединялся. В пятый класс, например, пришла Элина Горковенко, которая и сейчас работает в «десятилетке».

В школе была домашняя, теплая атмосфера, все друг друга знали. Когда я начал учиться в «десятилетке», меня поразило, что многие педагоги четвертого этажа, где располагались общеобразовательные классы, ходили на разные экзамены по специальности и слушали учеников. Помню, например, что в третьем классе я играл на годовом экзамене Концерт Гайдна для фортепиано с оркестром, а после экзамена меня очень хвалила Раиса Иосифовна Середа, которая руководила тогда школьным хором, не имела никакого отношения к фортепианному отделу и не обязана была сидеть часами на экзаменах по специальности.

Д. Б. *Концерт Гайдна на экзамене вы играли вместе с Мариной Вениаминовной Вольф или это был кто-то из ее учеников?*

А. С. Партию второго фортепиано исполняла Марина Вениаминовна. Она была играющим человеком и всегда показывала на уроках, как нужно исполнять. В одиннадцатом классе она аккомпанировала мне Первый концерт Прокофьева.

Мы вообще очень дружили с Мариной Вениаминовной. В тот год, когда я только поступил, она осталась

летом без дачи. Я имею в виду, что до того она в отпуск уезжала традиционно куда-то в Вологодскую область, а в тот год там что-то случилось с жильем и она не могла поехать на прежнее место. Отпуск был под угрозой, и моя мама помогла ей снять комнату там, где мы всей семьей проводили обычно лето, в деревне с красивым названием Поляны, за Зеленогорском, по Средневыборгскому шоссе. Это прекрасное место — озера, леса, полно ягод и грибов... Туда, собственно, на лето выезжал мамин детский сад, где она работала, а мама помогла Марине Вениаминовне снять там жилье в частном доме у местного лесника.

Сложилось все удачно, каждое лето я очень тесно общался в Полянах с Мариной Вениаминовной. Это продолжалось довольно долго. Когда я повзрослел, то узнал, что Марина Вениаминовна очень много читает, причем читает такие книги, за которые могли тогда посадить. У нее были друзья в Москве, которые имели доступ к «Самиздату» и «Тамиздату», поэтому она и сама читала, и мне давала разные запрещенные вещи, например, «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «Технологию власти» Авторханова, «Зияющие высоты» Зиновьева, романы Набокова...

Все это не издавалось в Советском Союзе, но Марина Вениаминовна была настоящим диссидентом, как-то все доставала. За чтение некоторых таких книг людей в те годы реально судили, кто-то действительно получал тюремные сроки. Марина Вениаминовна рисковала — и когда сама читала, и когда давала их мне. Конечно, мои «подпольные» чтения проходили только летом, на каникулах, а не в школьную пору. Мы часто ходили в лес и на озеро, обсуждали книги и просто о многом говорили.

А. Сандлер
и М. В. Вольф

Марина Вениаминовна все время очень помогла мне. Это было и во время учебы в школе, и после, когда у меня возникли трудности с поступлением в консерваторию.

Д. Б. *Невероятно, неужели у вас были проблемы с поступлением?*

А. С. Да, как в «десятилетку» я не мог сразу поступить с первого раза, так и с консерваторией оказалось все не совсем гладко. Я «влип» на экзамене по устной литературе, мне поставили «три». Я, наверное, был самый начитанный из всех поступающих (никому, конечно, не признавался про Солженицына и Набокова), но в комиссии это никого не волновало. Там были какие-то тетки, не из консерватории, видимо, они решили, что нужно сделать поправку «по пятому пункту» и поставили мне «три» балла. Выяснилось, что я оказался за чертой и не поступил.

Марина Вениаминовна уже уехала отдыхать в деревню Поляны, как обычно. Я позвонил ей и все судорожно объяснил. Она решительно приказала: «подавай апелляцию!» Я написал заявление, и на рассмотрение дела из отпуска примчалась Марина Вениаминовна.

Дама из приемной комиссии сухо сказала: «Сандлер не раскрыл образ Катерины из пьесы Островского „Гроза“ с точки зрения идейно-классовых позиций. А вот на Двадцать пятом съезде коммунистической партии было сказано, что это должно быть основным критерием оценки литературного произведения». Марина Вениаминовна съязвила: «Насколько я знаю, Островский писал „Грозу“, не будучи знаком с решениями Двадцать пятого съезда коммунистической партии, и написал гениально!» Она потом вспоминала, что дамы смотрели на нее так, словно хотели ее расстрелять.

В тот год вместе со мной в консерваторию не поступили Элина Горковенко и Наташа Варламова, тоже выпускницы «десятилетки». Это был нехороший прецедент, все-таки мы вышли из школы при консерватории! Наша дирекция предпринимала разные шаги, консерватория тоже была заинтересована в положительном решении. Наконец, удалось уладить все формальности, и нас трое зачислили осенью, после начала учебного года.

Д. Б. *Скажите, пожалуйста, а в консерватории у кого вы учились?*

А. С. Сначала я попал в класс к Владимиру Владимировичу Нильсену, но у нас, увы, не сложились отношения. Это был гениальный музыкант, интереснейшая и достойная во всех отношениях личность, но, видимо, в тот момент он мне не подходил, уроки проходили не просто сложно, а мучительно, мучительно трудно. Причем это началось сразу. Сначала я честно пытался делать то, к чему он меня призывал, но ситуация была такая, что у меня перестало получаться все, решительно все. То, что обычно выходило без проблем, превратилось в огромную проблему. В какой-то момент стало ясно, что так продолжаться больше не может и на втором курсе я, по взаимной договоренности, перешел в класс к Галине Петровне Федоровой, где обрел, наконец, душевный комфорт и смог двинуться дальше.

Марина Вениаминовна, конечно, принимала во всем самое непосредственное участие, она приходила в консерваторию на мои занятия с В. В. Нильсеном. Один раз в неделю он занимался на Театральной площади, а второй раз приглашал приезжать к нему домой в Пушкин. Когда он работал в консерватории, на занятия всегда приходило много народа, «с улицы», как говорится, всегда много было людей не из консерватории — из му-

зыкальных школ, какие-то приезжие, по линии повышения квалификации. Мне было очень интересно наблюдать, как все происходило с другими учениками класса Нильсена. Но когда касалось меня, честно признаюсь, я был не в восторге. Эти вещи в тот момент мне были «поперек горла».

Д. Б. *Какие концерты того времени вам запомнились?*

А. С. Конечно, концерты корифеев — Гилельса, Рихтера, Фишера-Дискау, Мравинского... В школе проходило очень много интересных концертов. Например, помню выступление тех выпускников Марины Вениаминовны, которые поехали учиться в Москву — Стасика Иголинского и Павла Егорова (он тогда собирался ехать на конкурс имени Шумана). Егоров играл очень ярко, талантливо, даже можно сказать — воспламеняюще. Помню выступление Евгения Крушевского, ученика Марии Иосифовны Меклер, он тоже поехал учиться в московскую консерваторию, а потом победил на Международном конкурсе исполнителей в Женеве.

Незабываемым стал вечер в Филармонии, когда я сам играл Первый концерт Прокофьева с симфоническим оркестром школы. Дирижировал тогда Дмитрий Андреевич Румшевич.

Потом были очень интересные концертные поездки от школы. Помню наше выступление в Москве совместно с учениками Центральной музыкальной школы, которое и проходило в концертном зале ЦМШ, а жили мы в тамошнем интернате. Этот концерт был посвящен какой-то торжественной государственной дате, и условие было такое, что все ученики на концерте играли только советскую музыку. Я, например, играл «Марш Бармаля» Слонимского, а пианистка из класса на год старше моего, Света Левинзон, играла пьесу собственного изготовления, которая замечательно называлась: «Поэма памяти Павлика Морозова».

Была и чудесная поездка фортепианного отдела в Ригу, куда ездили и Марина Вениаминовна Вольф, и Валентина Яковлевна Кунде, и Александра Яковлевна Жуковская, и Татьяна Борисовна Румшевич... Жили мы на каком-то дебаркадере, а заключительный ужин нам устроили в шикарном ресторане на берегу Даугавы. Подали каждому по огромному куску мяса, и мальчики, к ужасу окружающих, вонзили в них вилки и стали грызть огромные куски в диком стиле. Никто не знал, для чего лежат ножи. В нашей школьной столовой ножей никогда не было.

Д. Б. *Когда вы начали преподавать в школе? Сразу после окончания консерватории?*

А. С. Еще когда я учился в консерватории, я начал работать концертмейстером на дирижерско-хоровом отделе и в скрипичном классе Веры Арнольдовны Добрыниной. Потом много работал с виолончелистами классов Э. Г. Фишмана, А. П. Никитина, В. Ю. Атапина. Параллельно я стал получать учеников, поначалу Марина Вениаминовна выделяла мне их из своего класса.

Д. Б. *Кто стал вашим первым учеником?*

А. С. Это был Олег Пилинский. Он, правда, ушел от меня уже через год. Вместо него дали девочку, потом были другие ученики. Потом появился Петя Лаул.

Д. Б. *Петр Лаул учился в школе с первого класса?*

А. С. Нет, он начал учиться только с седьмого класса. Его долгие годы не брали в школу под тем предлогом, что у него, якобы, плохая координация.

Д. Б. *Что значит «плохая координация»? Он садился мимо стула на концерте?*

А. С. Нет, якобы у него была плохая координация правой и левой руки.

Д. Б. *А сейчас хорошая координация?*

А. С. Да, сейчас координация удовлетворительная. Когда Петра не принимали в «десятилетку», у его родителей одно время даже были мысли отдать его на духовой отдел. Была промежуточная попытка поступить в класс кларнета, но в тот момент как раз у него выпали зубы.

Д. Б. *Может быть, Петр Лаул стал бы замечательным кларнетистом!*

А. С. Нет, он все равно стал бы пианистом, Петр был рожден стать пианистом. Тем не менее, в школу сначала он поступил на теоретический отдел. Его не брали на фортепианный отдел, а взяли только как теоретика. Лишь через год, когда он сыграл вместе с пианистами, он убедил всех, и его перевели на специальность «фортепиано». Как только я услышал его игру, сразу понял, что это явление. Должен сказать, что мне всегда очень везло на талантливых учеников. Параллельно с Лаулом учились Наташа Стрельченко, Антон Ляховский, Стасик Соловьев, Паша Райкерус. Потом все они вместе со мной пришли в консерваторию. В консерватории у меня учились такие яркие пианисты, как Саша Пироженко, Мирослав Култышев, Сережа Редькин, Володя Хомяков, Эдик Кипрский, Ира Ляховская, Маша Неволович, Андрей Бараненко, Андрей Судельский, Андрей Телков, Яна Васильева, Катя Гуменюк, Маша Деревягина, Андрей Шестериков, корейки сестры Чжон Хён Чжу и Чжон Хи Чжин и многие другие. И сейчас в моем классе есть ученики, о которых можно говорить с гордостью. В этом году будет заканчивать Лиза Украинская. Ярко проявляют себя Саша Болотин и Илья Папоян. Отменными пианистами стали Илья Домнинс и Влад Фёдоров, очень перспективны мои первокурсники и, конечно, мои школьники. Арсений Мун очень ярко выступил на последнем конкурсе имени Чайковского и сейчас поступил в Джульярдскую школу в Нью-Йорке. Еще один мой школьный выпускник, Абисал Гергиев, сейчас учится в Бостоне. Мы постоянно общаемся, недавно он прислал мне запись своего исполнения Первого концерта для фортепиано с оркестром Родиона Щедрина. Абисал будет играть его на фестивале «Лики пианизма» — я считаю, что он хорошо развивается.

Мне отрадно видеть, что жизнь и профессиональная карьера моих учеников складывается успешно. Надеюсь, и дальше будет не хуже...

С. А. М. Сандлером беседовал

Д. Ю. Брагинский